

Присев передо мной, он вдруг крепко обхватил меня руками и, уткнувшись лицом в грудь, глухо спросил:

— Шуйхуа, все эти годы... вспоминал ли ты меня?

Я закивал изо всех сил:

— Конечно, думал. Разумеется.

Вырвавшись из железных оков, я готов был поддакивать чему угодно, лишь бы это тешило его слух.

Он слабо улыбнулся. Его ладони, как и прежде, обдали меня могильным холодом. Он привалился ко мне ещё плотнее.

— Ты лжёшь.

Стоило его голосу похолодеть, как по моей спине пробежала дрожь. Я замахал руками, нацепив самую невинную ухмылку:

— Да как можно! Я в жизни никого не обманывал.

— Правда? — Он поднял голову.

— Чистая правда! — «Ага, попробуй скажи тебе неправду — небось, сразу на берег вышвырнешь». К слову, позавчера я имел неосторожность ляпнуть лишнего, так этот малец отвесил мне десятка полтора оплеух, словно петардами отстрелял. Лицо до сих пор горит.

Заметив, что он немного смягчился, я втайне перевёл дух, но тут же получил очередную затрещину.

Нрав у этого мальчишки был совершенно непредсказуемым: то смеётся, то впадает в ярость. В добром расположении он лип ко мне, как банный лист, в дурном же — становился ещё навязчивее. Одно дело, когда он в человеческом облике, но стоило ему разозлиться и обернуться драконом... Один неловкий взмах когтистой лапы — и я, если не испущу дух, то уж точно пересчитаю собственные кости.

Всё-таки он из древнего рода драконов: и происхождение высокое, и гонор под стать.

Удивительно — с виду суций ребёнок, а в истинном облике достигает таких исполинских размеров. На его сверкающую, безупречную чешую невозможно смотреть без греховного

желания выдрать пару пластин на память.

Вообще-то во всём виноват этот загадочный «Шуйхуа». Видит бог, я понятия не имею, почему дракон принял меня за него. От скуки я пытался вообразить, что же их связывало, и в итоге пришёл к довольно логичному выводу.

Этот Шуйхуа наверняка был для серебряного дракончика кем-то... особенным!

Ах, жили-были два неразлучных друга, не разлей вода, ворковали себе, пока этот статный и прекрасный «кто-то» не нашёл себе новую зазнобу. Бросил бедняжку, и одинокое дитя тысячи лет прождало его, кусая локти от обиды. «Тот самый» так и не вернулся, зато подвернулся я — человек, на него похожий. Вот он и вцепился в меня мёртвой хваткой, выплёскивая всю накопившуюся горечь. В общем, козлом отпущения оказался я.

Тут в голову мне пришла одна мысль.

Раз уж я для него «тот самый», разве будет странным спросить о Божественной жемчужине застывшей луны?

Я гордо вскинул подбородок, восхищаясь собственной сообразительностью.

Однако, оглядевшись, я обнаружил, что дракон спит. Пыл мой поугас, но азарт вспыхнул с новой силой.

Ох уж эта ослепительная чешуя...

«Хе-хе-хе... Я не жадный, мне бы всего одну чешуйку. Только не просыпайся».

Ликуя в душе, я на цыпочках подкрался к спящему серебряному дракону. Но стоило мне приблизиться, как он внезапно перевернулся и потянулся. Гигантский хвост полоснул по воде, подняв холодную волну, и меня отшвырнуло напрямик в груды камней. Я едва не прервал любовные игры огромного краба, который чуть не оттяпал мне что-нибудь важное своими клешнями.

Кое-как выбравшись из этой передраги, я обнаружил, что дракон всё ещё спит. Его усы мерно колыхались в воде, а на морде застыло блаженное выражение.

Смирившись с неудачей, я плюхнулся на дно и тяжело вздохнул. Решил вздремнуть прямо здесь. Ладно, времени впереди полно, шанс ещё представится.

В бездне не видно ни рассветов, ни закатов, так что спать можно когда угодно и где угодно. Очень удобно. Правда, пока я спал, меня почему-то принесло к самой лапе дракона.

Проснувшись и увидев прямо перед носом огромные когти, я оцепенел от ужаса.

Дракон уже не спал. Он сверлил меня рубиновым взглядом. Я подхватился и бросился наутёк, но он ловко подцепил меня за щиколотку и бесцеремонно притащил обратно.

Не успел я и пикнуть, как он обернулся человеком и набросился на меня. Скрутив мне руку за спину так, что суставы едва не выскочили, он заставил меня взвыть от боли:

— Ой-ой-ой... Больно же! Давай поговорим, тише, тише!

Но он лишь распался:

— Хм! Решил сбежать? Опять сбежать?! Говори, будешь ещё пытаться?!

— Не буду, не буду! — вопил я, беспомощно суча ногами.

Он небрежно отряхнулся и, больно ущипнув меня за щеку, вскинул брови:

— Лжец. Ну почему ты стал таким тугодумом?

Эх, стоило ли мне проявить характер и стоять до конца? Наверняка этот капризный дракон тут же сожрал бы меня, не оставив даже косточек.

Почувствовав холод, я лишь криво усмехнулся и позволил ему вдоволь помучить меня, пока он наконец не отстал.

Отойдя в сторонку, я принялся потирать ушибленный локоть. Только собрался присесть, как малец снова возник передо мной. Увидев мой взгляд, он вздрогнул и вдруг мягко, с явным раскаянием, прошептал:

— Шуйхуа... я сделал тебе больно?

— Ха-ха-ха... Да нет, что ты, совсем не больно. — «Ага, как же!».

Перехватив мою руку, он увидел на предплечье багровый след от своих пальцев. Он насупился и вмиг превратился в кроткого ягнёнка. Прижавшись ко мне, он принялся тереться лицом о мою грудь, как делал это обычно.

— Прости... Я не могу себя контролировать.

Не может он себя контролировать!

Сначала бьёт, а потом строит из себя невинную овечку! За что мне всё это?!

Стиснув зубы от обиды, я выжал из себя ласковую улыбку:

— Пустяки. Кожа у меня грубая, так что об этой царапине даже не думай. Серьёзно, забудь.

— Ты злишься? — Он долго смотрел на меня, а потом вдруг лукаво улыбнулся.

«Знаешь ведь, что я злюсь, и всё равно так скалишься! Совершенно несносный дракон!».

Мы немного помолчали, и вдруг я почувствовал, как меня тянет вверх. Тонкая, но сильная рука обхватила меня, и мы стремительно пронеслись сквозь толщу вод, преодолевая тёмные течения. Над самым ухом раздался спокойный голос:

— Закрой глаза, иначе свет ослепит тебя.

Я на редкость послушно зажмурился.

Спустя мгновение сквозь веки я ощутил нарастающее сияние. Оно окутало меня, и в тот миг, когда мы прорвали водную гладь, я почувствовал аромат чистоты и свежести.

Когда мои ноги коснулись твердой земли, а свет перестал казаться невыносимым, я медленно открыл глаза.

Всё ещё немного рябило.

Постепенно зрение прояснилось. Передо мной расстилалась земля, залитая призрачным сиянием. Луна отражалась в море, и колышущиеся волны казались усыпанными мириадами мерцающих светлячков.

Ночной ветер принёс прохладу. В чистом небе, свободном от облаков, сиял полный диск луны. Её холодный блеск падал на замершего рядом со мной «ягнёнка», окутывая его белоснежным ореолом.

Белоснежные одежды, серебристые волосы и алые, как кровь, глаза, в которых дрожали лунные блики.

Лунный свет, словно белое полотно, разливался над миром, а те, кто дорог, всё так же далеки.

— Тебе нравится?

— Да.

Я кивнул, не в силах скрыть восторга.

— Вот и хорошо. Когда мне было одиноко, я приходил сюда один... — Его улыбка была полна печали. Холодные искры света гасли на кончиках его пальцев. В темноте я чувствовал лишь его маленькие ладошки, которые крепко вцепились в мои рукава.

Он немного помолчал, глядя на уходящие вдаль блики, а затем сел на берегу. Мы не смотрели друг на друга, но в тишине я слышал его дрожащий, надтреснутый шепот:

— В Бездне я ждал тебя очень долго. Там было темно, тихо... и очень одиноко.

С этими словами он прильнул к моему плечу, опустив бледное, прозрачное, словно нефрит, лицо.

— Ты ушёл и велел мне ждать. Я ждал, а ты всё не возвращался, — его голос был полон тихой скорби. — Тысяча лет, две тысячи, три... Это длилось так долго, что я привык к темноте. Так долго, что я забыл счёт времени. Так долго, что начал сомневаться — не привиделся ли ты мне во сне?

— Я хотел пойти искать тебя, но боялся, что если уйду, ты вернёшься и не найдёшь меня... Глупо, правда? Наверное, ты давно обо мне забыл. — Он горько усмехнулся, и его голос стал легким, как падающее перышко. — Раньше ты так любил называть меня по имени, а теперь всё выветрилось из твоей головы. Строишь на меня как на чужака. Видимо, я и впрямь напридумывал лишнего. Ну и пусть.

Я онемел, не зная, что ответить.

— Ладно, говори. Зачем ты здесь на самом деле? — вдруг спросил он, отстранившись.

Меня охватил безотчётный страх, и я пролепетал:

— О чём ты... У меня нет никакой цели.

Он печально усмехнулся:

— Не лги мне, прошу.

— Я...

Он не дал мне договорить, прижав холодную ладошку к моим губам:

— Шуйхуа, ты изменился.

Прошло немало времени, прежде чем он добавил:

— Раньше я никогда не видел тебя насквозь. А теперь ты не умеешь скрывать мысли, постоянно лжёшь... ты стал совсем не похож на себя.

Почесав затылок, я моргнул и серьёзно ответил:

— Тут ты неправ. Вообще-то я не люблю врать. И я — это я, я совсем не изменился.

— Вот как. — В его чистом голосе послышалась тоска. Он задумчиво посмотрел на луну, замершую в зените. Весь океан был залит её молочным светом.

Несмотря на его буйный нрав, сейчас этот малыш казался таким ранимым, что мне захотелось быть к нему ближе. Перед ним не хотелось ничего скрывать. Я робко взглянул в его алые глаза, в которых застыло безмятежное спокойствие.

Не знаю, о чём он подумал в тот миг, но, признавшись во всём, я почувствовал облегчение.

Он понимающе прикрыл глаза, и его тело мелко задрожало. Он прижался ко мне ещё сильнее, словно ища защиты, и прошептал:

— Тебе нужна Божественная жемчужина застывшей луны?

— Да, — твёрдо кивнул я.

Он поднял на меня тяжелый взгляд:

— Хорошо.

— А? — Я уже приготовился униженно умолять и канючить, но не ожидал, что он согласится так просто.

Его скорбная улыбка заставила моё сердце сжаться. Он дрожал, холодные ладони стали ещё холоднее.

— Я никогда ничего не жалел для тебя.

Я хотел что-то сказать, но в итоге лишь выдохнул:

— Спасибо.

Кажется, я всё-таки подлец.

Я чувствовал, как потеют ладони, а пальцы впиваются в кожу. Бывало, я и раньше обманывал людей, но сейчас... сейчас совесть грызла меня за то, что я выманиваю вещь, которая мне не принадлежит.

Ночь была удивительно ясной. Ветер с моря принёс ночную изморось, в густых тенях деревьев зашуршала листва. Я резко обернулся, но увидел лишь ветви, которые качались на ветру, словно призрачные руки.

— Что такое? — «Ягнёнок» потёрся о моё плечо.

— Ничего, — покачал я головой.

Он обхватил мою руку, серебристые волосы рассыпались по моим плечам. Малыш с наслаждением вдохнул воздух, закрыл глаза и, прижавшись к моей груди, принялся сосать палец, погружаясь в сон.

В этой мирной тишине я долго не решался заговорить, но наконец тихо спросил:

— Скажи мне своё имя. Я и впрямь не могу его вспомнить.

Он замер, а затем открыл глаза и искоса взглянул на меня.

— Цан.

— Что?

В его красных глазах вспыхнул недобрый огонек. Я наклонился поближе, и тут же получил звонкую затрещину. Воздух свистнул от удара.

Я схватился за щеку, во все глаза глядя на него:

— За что?!

Он долго сверлил меня взглядом, и я понял: «ягнёнок» снова превратился в волка. Он вцепился мне в волосы и закричал:

— Слушай внимательно и запоминай! Повторяю в последний раз. Если ещё раз забудешь — переломаю тебе руки и ноги!

Я испуганно закивал:

— Да, да, конечно...

Он подбоченился и, схватив меня за руку, с самым серьёзным видом заявил:

— Если я радуюсь — ты радуешься вместе со мной. Если я грущу — ты всё равно радуешься, но не смей мне надоедать! Ты должен меня развлекать и никогда не смей мне перечить! Слышал?!

— Да-да, конечно... — Требований у него было хоть отбавляй.

На его бледных щеках выступил румянец — то ли от ветра, то ли от злости.

Я думал, он снова взорвётся, но он лишь навалился на меня всем телом и демонстративно замолчал, продолжая мёртвой хваткой сжимать мою руку. Станный ребёнок.

Я не стал высвобождать руку. Его пальцы были ледяными, так что пусть держится.

Хотя от жжения на щеке мне очень хотелось его стукнуть.

Пока я предавался своим мыслям, в кустах за спиной снова что-то зашуршало. Я обернулся, но так ничего и не заметил. Пришлось уныло опустить голову — «ягнёнок» уже крепко спал.

Цан — холод.

Это имя, если не считать температуры его тела, совсем ему не подходило.

Буйный мой ягнёнок.